

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ POLITICAL PSYCHOLOGY

Оригинальная статья/ Original article

Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций: дискурсивное поле современных исследований¹

© Р.В. ПАРМА

Парма Роман Васильевич, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), rvparma@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3413-4264

Представлены результаты анализа дискурсивного поля современных научных исследований, посвященных эффектам общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций. Процесс усиленной цифровизации гражданского активизма рассмотрен с позиций кибероптимистов и киберпессимистов. Выделены ключевые составляющие формируемых исследователями контекстов. Определены особенности репрезентации и соотношения подобных позиций в академической среде. Отрицательные эффекты цифрового активизма выражаются в увеличении общественной разобщенности и пассивности граждан, кризисе демократических институтов и политического участия. Положительные эффекты во многом противоположны и более обширны. Цифровой активизм создает киберпространство действий, развивая гражданские практики и ценности, а также расширяя прежние формы взаимодействия граждан. Связующие действия в социальных медиа снижают транзакционные издержки при организации гражданских действий. Пользователи социальных медиа, которые активно участвуют в общественных действиях онлайн, более склонны к офлайн-участию, что представляет собой конверсию гражданской активности из виртуальной среды в реальную. Цифровой активизм открывает широкие возможности для инновационных действий на основе социальных сетей, которые позволяют с меньшими усилиями сильнее влиять на общественные изменения. Поляризация научного сообщества, фрагментация дискурсивного поля в вопросах влияния цифровых коммуникаций на гражданский активизм, а также преобладание субъективных и идеологизированных подходов в исследованиях формируют новые задачи для общественных наук на современном этапе развития.

¹ Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Funding. The article was prepared based on the results of research carried out with the support of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Ключевые слова: цифровой активизм, гражданская активность, политическое участие, политическая мобилизация, цифровые коммуникации, социальные сети, социальные медиа

Цитирование: Парма Р.В. (2023) Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций: дискурсивное поле современных исследований // Общественные науки и современность. № 4. С. 96–108. DOI: 10.31857/S0869049923040044, EDN: OZHEGU.

Ambivalent Effects of Public Participation in the Space of Digital Communications: The Discursive Field of Contemporary Studies

© R. PARMA

Roman V. Parma, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), rvparma@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3413-4264

Abstract. The results of the analysis of the discursive field of contemporary scientific studies on the effects of public participation in digital communication spaces are presented. The process of increased digitalization of civic activism studied from the perspective of cyberoptimists and cyberpessimists. The key components of the contexts formed by researchers, defining the features of representation and correlation of such positions in the academic environment are highlighted. The negative effects of digital activism are seen in the increase of social disunity and citizen passivity, the crisis of democratic institutions and political participation. The positive effects are in many ways the opposite of negative and more extensive. Digital activism creates a cyberspace of action that facilitates the development of civic practices and values, as well as extends previous forms of civic interaction. The networking of actions in social media reduces the transaction costs of organizing civic action. Social media users who actively participate in online public actions have stronger intentions to offline participation, thus ensuring the transfer of civic engagement from the virtual to the real environment. Digital activism offers great opportunities for innovative actions based on social networks, which allow a greater impact on social change with less effort. The polarization of the scientific community, the fragmentation of the discursive field on the influence of digital communications on civic activism, and the predominance of subjective and ideologized approaches in the research outlined in the paper, constitute new challenges for social sciences at the current stage of development.

Keywords: digital activism, civic engagement, political participation, political mobilization, digital communications, social networks, social media

Citation: Parma R. (2023) Ambivalent Effects of Public Participation in the Space of Digital Communications: The Discursive Field of Contemporary Studies. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 96–108. DOI: 10.31857/S0869049923040044, EDN: OZHEGU.

Введение

Современные исследования трактуют гражданский активизм в широком смысле как действия людей, направленные на общественные изменения. Он представляет собой деятельность граждан, которые самостоятельно организуются для разрешения общественных проблем, продвигают инициативы, оказывают прямое или опосредованное влияние на решения власти. Гражданский активизм, выраженный в индивидуальных и коллективных

общественно значимых действиях, рассматривают одновременно в политологическом, социологическом, психологическом и коммуникативном аспектах [Klandermans 2002].

В свою очередь, цифровой активизм определен как гражданская активность с целью продвижения общественных задач, посредством использования цифровых технологий коммуникации [Bennett, Segerberg 2012]. Цифровые коммуникации – прежде всего, социальные медиа – радикально изменили контекст и процессы, связанные с коллективными действиями. Интегрированное использование платформ социальных медиа и мобильных приложений привело к появлению «киберактивизма 2.0» [Sandoval-Almazan, Gil-Garcia 2014]. В современности цифровые коммуникации стали технологической основой для новых социальных и политических движений [Lewis et al. 2014]. Цифровой активизм проявляется в различных формах гражданского участия в виртуальном пространстве, которое также используют для мобилизации масс и координации политических действий.

Исследователи рассматривают проблему влияния цифрового активизма на гражданскую активность с тех времен, когда Интернет начал становиться массовой технологией цифровой коммуникации. Они задаются следующими вопросами: общественная активность пользователей цифровых коммуникаций способствует пассивности или активности граждан в реальном мире? Как цифровой активизм влияет на гражданское участие офлайн? Какова взаимосвязь между активностью онлайн и офлайн? Данные вопросы становились предметом дискуссий целого ряда ученых [Hardy, Scheufele 2005]. Некоторые из них считают появление цифрового пространства – в частности Интернета – причиной упадка общественной активности. Другие называют развитие веб-индустрии новой вехой в развитии гражданского общества.

В дискуссии о цифровом активизме выделяются две крайние позиции: техноутопистов, которые считают Интернет и социальные медиа инструментами демократизации и вовлечения в гражданское участие, и технопессимистов, рассматривающих цифровые коммуникации в лучшем случае как развлечение, а в худшем – как инструмент контроля и репрессий со стороны государства и корпораций [Gerbaudo 2012]. Первые выделяют скорее позитивные эффекты влияния, а вторые концентрируются на издержках «цифрового погружения» общества. Различающиеся выводы исследователей связаны как с динамикой расширения цифровизации общества, так и с концептуальными основаниями их позиций. Комплексный анализ аргументов каждой из этих сторон позволяет охарактеризовать общий научный дискурс и найти оптимальное решение проблемы цифровой трансформации в сфере гражданской активности [Habermas 2018].

Эмпирические исследования говорят о том, что во многих развитых странах граждане, «погруженные» в цифровую среду коммуникаций, неоднозначно относятся к воздействию данных средств на общество. По опросу американских социологов из Pew Research Center, в 19 странах с развитой экономикой большая часть населения (57%) считает, что социальные медиа полезны для общественного развития. Однако в некоторых государствах наблюдается значительный разброс оценок. Так, в Сингапуре мнение о положительном влиянии социальных медиа на общество разделяет абсолютное большинство опрошенных, в то время как в США подобную позицию поддерживает только около трети респондентов. Доступ к Интернету и социальным сетям увеличил информированность граждан о происходящих в их странах событиях, оказался эффективным способом привлечь внимание к общественным проблемам, способствовал повышению общей осведомленности. Однако широкое приобщение граждан к цифровым коммуникациям привело, как считает большинство участников опросов, к массовому распространению дезинформации, ложных сведений и слухов. Социальные медиа усилили политическую поляризацию, усугубили социальную напряженность, сделав общество более расколотым в предпочтениях и цен-

ностях. По социологическим данным, расхождение политических взглядов из-за деструктивного влияния социальных медиа на общество замечает абсолютное большинство граждан США (79%), Нидерландов (78%), Южной Кореи (77%), Канады (74%), Австралии (71%), Венгрии (67%), Испании (66%) и Великобритании (66%). Несколько меньше показатель в Германии (65%), Швеции (65%), Греции (64%), Италии (61%), Бельгии (57%), Израиле (57%), Франции (52%), Сингапуре (51%), Польше (50%), Японии (47%) и Малайзии (43%)². Приведенные данные показывают, что попытки научного осмысления противоречивых эффектов цифровой трансформации общества отражают изменения в социальном сознании и политическом поведении граждан. Представления о «полезном и вредном» влиянии цифровых коммуникаций корреспондируют между собой в научном сообществе и общественном мнении.

Дизайн исследования

Основой исследования выступает теория критического дискурс-анализа, с помощью которой определяют не только преобладающие контексты, но и особенности выстраиваемого дискурсивного поля. Он учитывает отдельные характеристики социальной реальности, цели и установки адресантов, а также динамические изменения в структуре и содержании дискурсивных практик [Ван Дейк 2013].

Источниковую базу работы составили эмпирические научные исследования в сфере политологии, социологии и коммуникативистики, опубликованные в период с 2009 по 2022 г. Хронологические рамки исследования обусловлены факторами, связанными с развитием цифровых коммуникаций, общественной сетевизацией, проникновением цифровых технологий в политическую сферу, появлением и стремительным развитием феномена цифрового активизма. Ключевым параметром проведенного дискурсивного анализа выступает характеристика эффектов цифрового активизма в социальной и политической плоскости. При отборе работ также учитывался обязательный критерий – наличие авторской позиции о влиянии цифровизации на общественное участие по результатам проведенных исследований. В то же время цель настоящей работы не сводится исключительно к выявлению позитивных и негативных эффектов цифрового активизма в исследованиях различных авторов. Она заключается в том, чтобы определить дискурсивное поле современных научных исследований по референтной тематике, в том числе конкурирующие и неопределенные позиции, проблему их соотношения в академической среде и влияния на актуальные общественно-политические практики.

Негативные эффекты

В начале распространения Интернета исследователи предполагали, что цифровые технологии коммуникации снижают интенсивность коллективных действий. Граждане становятся более социально изолированными и физически отделенными друг от друга, следовательно, меньше взаимодействуют между собой. По итогам эмпирических исследований был сделан вывод, что расширение охвата Интернета и увеличение численности активных пользователей привели к разобщенности граждан, их погружению в виртуальную среду без оглядки на общественные проблемы. Данные процессы нередко связывают

² Silver L., Clancy L. In advanced and emerging economies, similar views on how social media affects democracy and society. Pew Research Center. 6 December 2022. (<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/12/06/in-advanced-and-emerging-economies-similar-views-on-how-social-media-affects-democracy-and-society/>).

с феноменом «увядания демократии» (fading democracy) [Putnam 2000]. Таким образом, специалисты ассоциировали глобальное распространение Интернета с общим упадком гражданской активности и снижением внимания населения к устоявшимся формам выражения политических взглядов, включая голосование на выборах. По мнению некоторых исследователей, данные процессы привели к размыванию рядов массовых политических партий и социальных движений в странах Запада [Norris 2002].

Со временем социальные медиа, построенные на сетевых принципах формирования сообществ, стали популярными средствами коммуникации и организации действий. Однако многие исследователи считают их способность создавать изменения ограниченными по сравнению с офлайн-инструментами. Интернет благоприятствует действиям низкого уровня, для совершения которых требуется приложение минимума усилий. Иллюстрацией данной позиции можно считать так называемый «кликтивизм»: совместные цифровые действия, выражаемые через «лайки» и распространение контента в социальных сетях, что незначительно влияет на реальный мир. По мнению киберпессимистов, «кликтивизм» создает ложное чувство изменения и подрывает эффекты от реальных действий [Shirky 2011].

Исследователи развития взаимосвязи новых цифровых коммуникаций и гражданской активности пытались проверить прямо или косвенно гипотезу о том, что увеличение интенсивности использования Интернета и социальных медиа снижает гражданскую активность [Morozov 2014]. Было определено, что при использовании социальных сетей люди формируют «пузыри фильтров», отдельные изолированные сообщества. Социальные медиа позволяют человеку создавать вокруг себя однородные сети, в которых сокращается вероятность распространения новых и сложных идей, что в итоге негативно сказывается на результативности общественного участия [Colleoni et al. 2014]. Современные исследования цифровых коммуникаций с использованием чат-ботов и технологий искусственного интеллекта показывают, что политическая поляризация пользователей социальных медиа происходит за счет плотных и гомогенных сетевых структур. Они действуют однонаправленно и способны спонтанно исключить любую непредпочтительную информацию вне зависимости от ее источника и масштаба распространения [Yong et al. 2019].

Кроме того, цифровые платформы оказались переоцененным инструментом мобилизации граждан. Социальные медиа позволили массам людей выразить свое недовольство существующим положением, но не смогли преобразовать интерес пользователей в гражданское участие для «глубокой и устойчивой приверженности работе» [Land 2009]. Многие исследователи поддерживают вывод о том, что быстро растущая поддержка и распространение протестных настроений, обеспечиваемые Интернетом, сопровождаются еще более стремительным снижением обязательств в гражданских действиях [van Laer 2010].

Между тем отдельные исследователи отмечают, что теории и концепции, которые связывают разные уровни анализа с метафорическим использованием сетевых терминов, усложняют понимание утверждения о том, что сети цифровых коммуникаций помогают людям самоорганизоваться в отсутствие формальных объединений. По их мнению, развитие современных цифровых технологий не оказало существенного влияния на механизмы, которые отвечают за организацию коллективных действий и распространение информации. Социальные сети реагируют на общественный контекст, который обуславливает успех или провал гражданских действий независимо от динамики общения. Массовая координация, в свою очередь, зависит от эффективного распространения информации [González-Bailón, Wang 2016]. В подобных обстоятельствах цифровые платформы могут воздействовать на масштаб и направленность гражданского участия, в том числе напрямую влияя на установки и ориентации пользователей. Опыт избирательных кампа-

ний в развитых странах в последнее десятилетие демонстрирует, что возможности воздействия цифровых сервисов на электоральные установки граждан расширяются. Возникают новые способы ограничения политической субъектности избирателей – в том числе за счет алгоритмов и персонализированных рекомендаций в поисковых системах и социальных сетях [Бродовская и др. 2022].

Одно из наиболее заметных направлений критики влияния цифровых коммуникаций на общественное участие основано на том, что цифровая среда способна выступать точкой доступа к неограниченному объему приватной информации. Последней можно управлять и конвертировать ее в экономические или политические выгоды. В частности, на этом положении основана концепция «надзорного капитализма», согласно которой в мире формируется новый экономический порядок с опорой на технологии всеобщего общественного контроля [Зубофф 2022]. Сторонники данной теории считают мировых технологических и цифровых гигантов администраторами больших массивов цифровых данных, которые представляют собой новый тип капитала в постиндустриальную эпоху. Концепция была политически осмыслена через идеи «информационного тоталитаризма», которые фиксируют глубинные изменения в процессах политического управления, начавшиеся с появлением мобильного Интернета, социальных сетей и облачных платформ [Мамычев 2022]. Свообразным общественным ответом на данные тенденции стали идеи «цифрового детокса» и «выключения» из системы регулярного цифрового взаимодействия в эпоху постцифрового капитализма [Fast 2021].

Позитивные эффекты

По мере расширения влияния цифровых коммуникаций ее положительные эффекты становились все более очевидными для многих ученых. Современные исследования показывают, что, вопреки ранним концепциям, цифровые коммуникации усилили свое политическое значение, способствуя развитию гражданских практик и ценностей [Boulianne 2009]. Посредством различных подходов в рамках цифрового активизма изучают, как социальные медиа меняют действия людей, структуру политической организации, формы лидерства и участия.

Социальные медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни большинства населения, сформировав альтернативное киберпространство. Цифровые коммуникации дополняют существующие формы взаимодействия граждан, а также становятся средством для создания новых видов гражданского участия. По мнению кибероптимистов, социальные медиа противодействуют пространственному рассеянию современных обществ, таким образом укрепляя чувство социальной солидарности, сосредоточенного вокруг «оккупированных площадей», – реального пространства коллективного действия отдельных социальных групп. Они превращаются в места привлечения массовой аудитории, где на нее оказывают сильное психологическое воздействие. Как отмечает американский интернет-активист Э. Цукерман, цифровые сети формируются по тем же законам, что и реальные, а значит, они основаны на гомофилии – стремлении людей объединяться с себе подобными [Цукерман 2015].

Кибероптимисты утверждают, что цифровые коммуникации, обеспечивая новые формы гражданской активности, способствуют возрождению политического участия и институтов демократии [Dalton 2015]. Социальные медиа только создают иллюзию горизонтальных и лишенных руководства сетей. Онлайн-активизм предлагает новые формы неформального лидерства, основанного на личной харизме и технических навыках. Социальные медиа позволяют лидерам и их последователям быть непосредственно связан-

ными между собой и влиять друг на друга. После ряда «цветных революций», событий «Арабской весны» и масштабных акций протеста исследователи пришли к выводу о том, что информационные технологии способны укрепить социальные движения и в итоге значительно преобразовать общество [Castells 2015]. За прошедшее с массовых акций на Ближнем Востоке десятилетие волна «цифрового протеста» накрыла не менее двух десятков государств. Многие гражданские инициативы и проекты приобрели транснациональный характер: они распространяются без привязки к конкретным политическим системам, обходя межкультурные и социальные барьеры [Sorice, Dumitrica 2022].

Исследования об использовании медиа в политической сфере показали, что цифровые платформы дополняют традиционные медиа при стимулировании политической дискуссии по всем каналам коммуникации. Даже низкая активность в социальных сетях повышает уровень участия – например, волонтерство или добровольчество – которое активизируется, когда многие участники социальной сети также вовлечены в гражданские действия [Vitak et al. 2011]. Такие способы формирования сообществ образуют инновационный арсенал коммуникативных технологий влияния социальных медиа, в которых задействованы возможности напоминаний, повторений и подтверждений [Nam 2011]. Кроме того, продвижение сообщений и информации способствуют более глубокой и эффективной организации совместных действий, а также выстраиванию многоуровневых социальных организаций [Anduiza et al. 2014].

Цифровой активизм позволяет гражданам продвигать общественные интересы и вырабатывать навыки совместной деятельности. Объединение граждан ради общих интересов или убеждений с помощью цифровых коммуникаций превратилось в «связующие действия» [Bennett, Segerberg 2013]. Они демонстрируют возможности цифровых коммуникаций менять ландшафт социального взаимодействия. Связующие действия сокращают транзакционные издержки при расширении контактов, совместном производстве и распространении контента. В результате не только снижается «стоимость» входа для участников, но также появляется возможность без особых усилий и затрат передавать сообщения большому количеству людей [Bimber et al. 2012]. Подобный тип общественных действий схож с коллективными действиями в том, что они объединяют людей. Тем не менее, первые отличаются целенаправленным использованием цифровых коммуникаций для общения и организации – прежде всего, социальных сетей [Vaast et al. 2017]. Связующие действия также проявляются в персонализированном общении внутри сообщества. Они особо эффективны при доставке сообщений целевой аудитории. С появлением технологий таргетирования и фрейминга стала возможна персонализация действий в цифровой среде [Young 2018, Hutchinson 2021]. Так, объединяющие действия стали ключевым компонентом в понимании способов организации цифрового активизма.

В дискурсивном поле кибероптимистов социальные сети представляют как инструмент эффективного вовлечения и взаимодействия граждан по общественно значимым вопросам. Социальные медиа позволяют пользователям обмениваться информацией, рассказывать о проблемах общества и узнавать о возможностях участия в гражданских мероприятиях. При обмене контентом между пользователями общественно значимая информация охватывает более широкую аудиторию.

Также размер социальных сетей связан с интенсивностью распространений публикаций. Частые онлайн-взаимодействия увеличивают объем используемой информации. Обсуждая общественные проблемы и обмениваясь информацией, граждане укрепляют свою привязанность к сообществу. В результате внимание в социальных сетях к актуальным вопросам, затрагивающим и беспокоящим многих, приводит к повышению гражданской активности [Gilde Zúñiga et al. 2012].

Онлайн-активизм напрямую связан с намерениями участвовать в общественной жизни в реальном мире. Пользователи социальных медиа, которые проявляют гражданскую активность в пространстве цифровых коммуникаций, как правило, более склонны участвовать в политических мероприятиях офлайн [Jugert et al. 2013]. Исследования поведения пользователей цифровых коммуникаций показывают, что люди, которые подписывают онлайн-петицию, чаще жертвуют средства иницилирующей организации, демонстрируя эффект согласованности [Lee, Hsieh 2013]. Граждане также могут исполнить свои намерения в реальности, как только возникнут возможность и необходимость [Milosevic-Dordevic, Zzelj 2017].

Также на использование соцсетей в рамках общественной активности положительно влияют групповые стимулы, которые мотивируют граждан участвовать в совместных действиях. Современные социальные медиа формируют ландшафт гражданской активности и укрепляют общественное доверие [Warren et al. 2014]. Формы гражданской активности в реальном и виртуальном мирах тесно взаимосвязаны: люди, которые занимаются общественной деятельностью онлайн, готовы участвовать в мероприятиях офлайн. Гражданское участие в цифровом пространстве требует меньше затрат времени и денег, что, соответственно, делает его более доступным [Chen 2017].

Исследователи отмечают ряд различий между традиционным и цифровым активизмом. Одно из них заключается в степени приверженности общественному движению. В традиционных коллективных действиях участники следуют идеям, принципам и лидерам общественного движения. В цифровом активизме правила и структуру определяют создатели цифровых платформ и сообществ [Castells 2011]. Цифровой активизм, несмотря на многочисленные онлайн-репродукции офлайн-акций, предоставляет широкие возможности для инновационных действий. Традиционные форматы дополняются и замещаются новыми цифровыми методами, каждый из которых имеет специфические требования, способы использования и результаты. В основе формирования способа действий и организации общественных движений лежит их приверженность определенному набору ценностей [Selander, Jarvenpaa 2016]. Гражданский активизм в реальном мире характеризуется массовостью социальных движений, которая и обеспечивает политическую силу и влияние в обществе. Онлайн-активизм, в свою очередь, основан на цифровых коммуникациях, которые позволяют меньшему количеству участников с меньшими усилиями оказывать большее влияние на общественные изменения. Однако ряд исследователей признает, что различные форматы цифровой активности расширяют возможности для продвижения маргинальных идей. Подобное искажение цифрового активизма создает риски для устойчивости политической системы [Schradiе 2018].

Отдельно в рамках изучения консолидации общественных действий рассматривают использование цифровых инструментов для совместного управления и формирования конструктивных моделей территориальных объединений, локальных сообществ, городской самоорганизации, которые трансформируют местное управление [Ricker et al. 2020; Silva, Maia 2022]. Эффекты цифровой коммуникации и сетевизации определили новое направление в исследованиях «умных городов», которое рассматривает вовлечение граждан в совместное решение общественных задач и вопросов посредством общедоступных онлайн-платформ. В общем виде подобные научные воззрения соответствуют концепциям «электронного участия» и «делиберативной демократии», которые описывают проникновение цифровых коммуникаций в сферу гражданского активизма на низовом уровне [Batoool et al. 2021].

Заключение

Представленный анализ дискурсивного поля современных исследований демонстрирует значительную фрагментацию и поляризацию академической среды. Они вызваны значительной субъективизацией и идеологизацией тематических научных изысканий. В науке существует целый ряд дискуссионных линий по вопросу влияния цифровой коммуникации на гражданский активизм. Единая позиция отсутствует. Противоборство технооптимистов, которые указывают на положительные эффекты гражданской активности, и технопессимистов, акцентирующих внимание на негативных проявлениях данных процессов, стимулирует широкую академическую дискуссию и формирует новые направления прикладных исследований.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что в глобальном академическом дискурсе в настоящее время доминирует позиция технооптимистов. Они воспринимают развитие цифровых коммуникаций в социально-политической сфере как инструмент расширения гражданских возможностей, технологического развития и активизации массовых пользователей. Динамика цифровой эпохи и новые технологические достижения неизбежно влияют на социально-политические процессы, трансформируют устоявшиеся гражданские практики и формируют соответствующую рефлексию среди современных исследователей и аналитиков. Преобладание технооптимистов во втором десятилетии XXI в. продиктовано явными позитивными сдвигами и практическими результатами внедрения цифровых платформ и сервисов в сферу гражданской активности.

Противоречивые эффекты цифрового активизма во многом можно объяснить различной степенью вовлеченности граждан в общественную деятельность. Характер гражданского активизма зависит от множества факторов: контекста, социального самочувствия, сформированного мировоззрения, ценностных установок, жизненного целеполагания граждан, потребностей в самовыражении и самореализации и др. [Седова 2014]. Модель распределения уровней активности в цифровой среде строится на основе способов действий офлайн, исходя из усилий и ресурсов участников [George, Leidner 2019].

По мнению ряда исследователей, в целом негативные эффекты расширения цифрового активизма приводят к упадку общественного участия. Интенсивность использования Интернета и социальных медиа способствует сокращению коллективных действий. Погружение в цифровую среду приводит к социальной изоляции и физическому отдалению граждан. Цифровые коммуникации способствуют «слактивизму»³, праздному времяпровождению и развлечениям пользователей. «Кликтивизм» создает лишь иллюзию изменений, подрывая намерение участвовать в реальных действиях. Он снижает уровень участия в традиционных формах активизма, размывая массовые политические партии и социальные движения. Социальные медиа формируют замкнутые сообщества с жесткой структурой и своей системой ценностей, препятствуя свободному распространению информации. «Слабые связи» в социальных медиа обеспечивают быстрое распространение протестных настроений, в то же время способствуя снижению намерений участвовать в реальных действиях. Кроме того, цифровые коммуникации могут ограничивать общественную активность, став инструментом контроля корпораций и государства над поведением граждан согласно концепции «надзорного капитализма».

³ Слактивизм (англ. slacktivism) – практика поддержки политических или социальных проектов с помощью социальных сетей, интернет-петиций и иных цифровых средств, которая характеризуется как не требующая больших усилий и обязательств. Разновидность подобной активности в целях организации протестных акций обычно называется «кликтивизмом» (англ. clicktivism).

Вне зависимости от выбранного ракурса рассмотрения современных процессов гражданской активности развитие цифровых коммуникаций становится причиной серьезной трансформации политических институтов. Данный процесс также меняет устоявшиеся традиции взаимодействия по линии «власть – общество» как в рамках традиционных институтов (например, политических партий), так и в совершенно новых виртуальных гражданских организациях и платформах, существующих исключительно внутри цифрового комьюнити [Husted et al. 2022; Бродовская, Ахременко 2021]. Однако появление новых акторов, способов и форм организации общественных движений не приводит к позитивным социальным сдвигам при изменении существующего порядка [Schradiе 2018].

Цифровой активизм создает как возможности для информирования и консолидации общества, так и опасность для устойчивого общественного развития. В современном мире форматы гражданской активности смешиваются из-за размывания границ между онлайн- и офлайн-пространством. Актуальной тенденцией развития гражданского активизма стало взаимопроникновение различных технологий активности и одновременное использование инструментов реальной и виртуальной среды. Формирование интегрированных форм «гибридного активизма» и постепенное сращивание онлайн- и офлайн-сред общественного участия, появление единого пространства коллективных действий ставит перед общественными науками новые задачи, связанные с достижением консенсусных позиций, деполитизацией научного дискурса и выработкой современных подходов, методов и инструментов исследования гражданской активности в новых технологических реалиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ахременко А.С., Бродовская Е.В. (2021) Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Akhremenko A.S., Brodovskaya E.V. (2021) Vlijanie novykh informacionno-kommunikacionnyh tehnologij na grazhdanskij i politicheskij aktivizm: «linii naprjazhenija» diskussionnogo polja [The Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: «Stress Lines» of the Discussion Field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. no. 6, pp. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111 (In Russ.)

Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Давыдова М.А. (2022) Практика манипулятивного эффекта поисковых систем в ходе избирательной кампании 2021 г. в России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 4. С. 73–86.

Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Davydova M.A. (2022) Praktika manipuljativnogo jefekta poiskovyh sistem v hode izbiratel'noj kampanii 2021 g. v Rossii [The Implementation of the Search Engine Manipulation Effect in the Election Campaign 2021 in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. no. 4, pp. 73–86. (In Russ.)

Ван Дейк Т. (2013) Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком». 344 с.

Van Dijk T. (2013) *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: Librocom Book House. (In Russ.)

Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара. 784 с.

Zuboff Sh. (2022) *Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyh ru-bezhah vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism. The Battle for the Human Future on the New Frontiers of Power]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 784 p. (In Russ.)

Мамычев А.Ю. (2022) «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 24. № 3. С. 367–392.

Mamychev A.Ju. (2022) «Cifrovoy Leviafan»: scenarii razvitija gobbsovskogo chudovishha v XXI veke [“Digital Leviathan”: Scenarios for the Development of the Hobbesian Monster in the XXI Century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. vol. 24, no. 3, pp. 367–392. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392 (In Russ.)

Морозов Е. (2014) Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: CORPUS ACT. 528 с.

Morozov E. (2014) *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti* [Internet as an Illusion. The Other Side of the Network]. Moscow: CORPUS AST. 528 p. (In Russ.)

Седова Н.Н. (2014) Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. № 2. С. 48–71.

Sedova N.N. (2014) *Grazhdanskij aktivizm v sovremennoj Rossii* [Civil Activism in Modern Russia]. *Sociologicheskij zhurnal*. no. 2, pp. 48–71. (In Russ.)

Цукерман Э. (2015) Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем. 336 с.

Zukerman E. (2015) *Novye soedinenija. Cifrovye kosmopolity v kommunikativnuju jepohu* [New Connections. Digital Cosmopolitans in the Communicative Era]. Moscow: Ad Marginem. 336 p. (In Russ.)

Anduiza E., Cristancho C., Sabucedo J. (2014) Mobilization through Online Social Networks: The Political Protest of the Indignados in Spain // *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 6. Pp. 750–764.

Batool S., Gill S.A., Javaid S., Khan A.J. (2021) Good Governance via E-Governance: Moving towards Digitalization for a Digital Economy // *Review of Applied Management and Social Sciences*. No. 4. Pp. 823–836.

Bennett W., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action – Digital Media and the Personalization of Contentious Politics // *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. Pp. 739–768.

Bennett W., Segerberg A. (2013) *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. New York: Cambridge University Press. 256 p.

Bimber B., Flanagin A., Stohl C. (2012) *Collective Action in Organizations: Interaction and Engagement in an Era of Technological Change*. Cambridge: Cambridge University Press. 224 p.

Boulianne S. (2009) Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research // *Political Communication*. Vol. 26. Pp. 193–211.

Castells M. (2011) *Network Theory of Power* // *International Journal of Communication*. No. 5. Pp. 773–787.

Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press. 328 p.

Chen J. (2017) Can Online Social Networks Foster Young Adults' Civic Engagement? // *Telematics and Informatics*. Vol. 34. No. 5. Pp. 487–497.

Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. (2014) Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data // *Journal of Communication*. Vol. 64. Pp. 317–332.

Dalton R. (2015) *The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics*. Washington, D.C.: CQ Press. 240 p.

Fast K. (2021) The Disconnection Turn: Three Facets of Disconnective Work in Post-Digital Capitalism // *Convergence*. Vol. 27. No. 6. Pp. 1615–1630.

George J.J., Leidner D.E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism // *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3.

Gerbaudo P. (2012) *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press. 216 p.

Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. (2012) Social Media Use for News and Individuals' Social Capital, Civic Engagement and Political Participation // *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 17. No. 3. Pp. 319–336.

González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // *Social Networks*. Vol. 44. Pp. 95–104.

Habermas J. (2018) *Philosophical Introductions: Five Approaches to Communicative Reason*. Cambridge: Polity Press. 200 p.

Hardy B., Scheufele D. (2005) Examining Differential Gains from Internet Use: Comparing the Moderating Role of Talk and Online Interactions // *Journal of Communication*. Vol. 55. No. 1. Pp. 71–84.

Hutchinson J. (2021) Micro-Platformization for Digital Activism on Social Media // *Information Communication and Society*. Vol. 24. No. 1. Pp. 35–51.

Husted E., Moufahim M., Fredriksson M. (2022) Political Parties and Organization Studies: The Party as a Critical Case of Organizing // *Organization Studies*. Vol. 43. No. 8. Pp. 1327–1341.

Jugert P., Eckstein K., Noack P., Kuhn A., Benbow A. (2013) Offline and Online Civic Engagement among Adolescents and Young Adults from Three Ethnic Groups // *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 42. No. 1. Pp. 123–135.

Klandermans B. (2002) The Demand and Supply of Participation: Social Psychological Correlates of Participation in Social Movements // *Psicología Política*. No. 3. Pp. 83–114.

Land M. (2009) Networked Activism // *Harvard Human Rights Journal*. Vol. 22. Pp. 205–243.

Lee Y.H., Hsieh G. (2013) Does Slacktivism Hurt Activism? The Effects of Moral Balancing and Consistency in Online Activism // In: *Conference on Human Factors in Computing Systems Proceedings*. Pp. 811–820.

Lewis K., Gray K., Meierhenrich J. (2014) The Structure of Online Activism // *Sociological Science*. No. 1. Pp. 1–9.

Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I.L. (2017) Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life? // *Computers in Human Behavior*. Vol. 70. Pp. 113–118.

Nam T. (2011) Internet Effects on Political Participation: An Empirical Study on the Reinforcement Vs. Mobilization Effect // *Government Information Quarterly*. No. 29. Pp. 90–97.

Norris P. (2002) *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.

Putnam R. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 541 p.

Ricker B., Cinnamon J., Dierwechter Y. (2020) When Open Data and Data Activism Meet: An Analysis of Civic Participation in Cape Town, South Africa // *The Canadian Geographer*. Vol. 64. Pp. 359–373.

Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia R. (2014) Towards Cyberactivism 2.0? Understanding the Use of Social Media and Other Information Technologies for Political Activism and Social Movements // *Government Information Quarterly*. Vol. 31. No. 3. Pp. 365–378.

Schradie J. (2018) The Digital Activism Gap: How Class and Costs Shape Online Collective Action // *Social Problems*. No. 1. Pp. 51–74.

Selander L., Jarvenpaa S.L. (2016) Digital Action Repertoires and Transforming a Social Movement Organization // *MIS Quarterly*. Vol. 40. No. 2. Pp. 331–352.

Shirky C. (2011) The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change // *Foreign Affairs*. No. 90. Pp. 28–41.

Silva D., Maia J. (2022) Digital Rockets: Resisting Necropolitics through Defiant Language and Activism // *Discourse, Context and Media*. Vol. 49.

Sorce G., Dumitrica D. (2022) Transnational Dimensions in Digital Activism and Protest // Review of Communication. Vol. 22. No. 3. Pp. 157–174.

Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. (2017) Social Media Affordances for Connective Action – An Examination of Microblogging Use During the Gulf of Mexico Oil Spill // MIS Quarterly. Vol. 41. No. 4. Pp. 1179–1205.

Van Laer J. (2010) Activists Online and Offline: The Internet as an Information Channel for Protest Demonstrations // Mobilization: An International Quarterly. Vol. 15. Pp. 347–366.

Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C., Ellison N., Lampe C. (2011) It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. Vol. 14. No. 3. Pp. 107–114.

Warren A., Ainin S., Noor J. (2014) Social Media Effects on Fostering Online Civic Engagement and Building Citizen Trust and Trust in Institutions // Government Information Quarterly. Vol. 31. No. 2. Pp. 291–301.

Young A. (2018) Using ICT for Social Good: Cultural Identity Restoration through Emancipatory Pedagogy // Information Systems Journal. Vol. 28. Pp. 340–358.

Yong M., Tingjun J., Cheng J., Qu L., Xiaogang J. (2019) Endogenetic Structure of Filter Bubble in Social Networks // Royal Society Open Science. Vol. 6. Issue 11.

Информация об авторе

Парма Роман Васильевич, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49. E-mail: rvparma@mail.ru

About the author

Roman V. Parma, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Technology and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Russia, Moscow, Leningradskiy pr-kt, 49. E-mail: rvparma@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 16.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 06.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023